

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И НЕСИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ*

Р.В. ЕВСТИФЕЕВ

В основе данной статьи лежит философская рефлексия результатов трех разноплановых исследований, в которых автор принимал участие, и социальной практики самого автора. Первое исследование – теоретическое и прикладное изучение проблем организации взаимодействия власти и населения в рамках новых парадигм Public Administration, как в России, так и в зарубежных странах¹. Второе исследование – конкретный кейс одного города, связанный с формированием и развитием местного аналитического сообщества и его влиянием на публичную политику². Третье – исследование локальных идентичностей в трех российских городах (Смоленск, Владимир, Ярославль), проведенное научным коллективом (Задорин И.В., Евстифеев Р.В., Крупкин П.Л., Лебедев С.Д.) совместно с АНО «Социологическая мастерская Задорина»³.

Социальная практика охватывает период с 2006 по 2015 гг. и включает в себя целенаправленную деятельность по формированию интеллектуальной среды в провинциальном городе. Размышления, в своем окончательном варианте представленные в данной статье, начались для автора в середине так называемых «нулевых» годов XXI в. Примерно за десять лет мысли о роли местных сообществ в публичной политике проделали полный цикл от идей к практике, в которую был вовлечен автор, и от практики к научному осмыслению, от локального случая к широким обобщениям.

В поисках бриклера

Первоначальная гипотеза заключалась в том, что в основе нашего движения к более развитому и современному обществу лежит развитие местных сообществ и каждого из его членов. Эмпирическая фиксация возрастания критического влияния немассовидного индивида на экономические и политические процессы в эпоху позднего модерна давала надежду на более существенную роль граждан и их самоорганизации в локальных сообществах, прежде всего в городах. Это подтверждалось и зарубежным опытом, в котором конструирование местных сообществ и развитие городов стало признанным мэйнстримовым направлением⁴. Этот процесс, конечно, носит нелинейный характер и пока еще очень прерывист и сложен. Ориентация на массы, а не на индивидуальность, «изъятие» души из социальных процессов, в том числе и политических, стремление управлять массами, создавать товары для масс продолжает лежать в основе современных поли-

* Статья написана в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Государственная политика и управление в сфере избирательного процесса: концептуализация научного направления», грант № 15-03-00153.

тических и экономических систем. Однако восприятие мира через призму существования массы и сами специализированные методы воздействия на массу начинают вызывать раздражение и неприятие у «хлебнувших» индивидуальной свободы людей, ожидающих от мира, от власти, от других людей признания уникальности своей индивидуальности и ценности своей личности независимо от места, которое занимает человек в искусственных иерархиях политической системы и рыночной экономики. Отсутствие такого признания является главной причиной нестабильности существования многих интересующих структур общества, таких как политическое господство, экономическое взаимодействие и т.д.

Джеймс Скотт в своей книге «Благими намерениями государства» выразил эту мысль так: «Официальный порядок всегда до значительной степени паразитирует на непризнаваемых формальной схемой неофициальных процессах, без которых он не мог бы существовать и которые не может сам создавать или поддерживать»⁵. Многие успехи, приписываемые по привычке организациям, структурам, партиям, властным вертикалям — на деле всего лишь паразитирование на инициативе и активности граждан, которые сами подправляют никуда не годные практики и создают новые.

Чтобы проявить и операционализировать эти неформальные процессы Джеймс Скотт вводит понятие «метис», что-то вроде «хитрости», «сметки», «народной мудрости», «практического знания». Такой «метис» не рождается в результате реализации властных полномочий и принуждения. В неволе метис не живет.

В метисе есть что-то близкое Леви-Стросовскому термину «бриколаж», т.е. некоторым спонтанным действиям без участия оформленных и проверенных технологий. Как писал сам Леви-Строс, «в наши дни бриколер — это тот, кто творит сам, самостоятельно, используя подручные средства в отличие от средств, используемых специалистом»⁶.

Развитие местных сообществ требует, скорее, именно метиса, бриколера, чем властной вертикали.

Неуловимые интеллектуалы

Французский историк Жак Ле Гофф, описывая рождение Европы, отмечал: «Вначале были города. Интеллектуал средневековья на Западе рождается вместе с ними. Он появляется вместе с их расцветом, связанным с развитием торговли, промышленности, как один из тех мастеров, которые водворились в них под влиянием разделения труда»⁷.

Интеллектуалы рождались вместе с городами. И, наверняка, наоборот — города возникают вместе с интеллектуалами и, во многом, создаются ими, т.е. теми, кто наблюдает, размышляет, замечает, классифицирует, оценивает и предлагает, реализуя свое право на город»⁸.

Однако, создание города, развитие местного сообщества и в конечном итоге, собственное развитие, — опасное конкурентное занятие. В записных книжках М.Л. Гаспарова есть упоминание об одной статье в газете

20-х гг., в которой была такая фраза: «Революция толкнула С. Булгакова на опасный путь осознания происходящего»⁹. Экстравагантный Ирвинг Гофман много позже в «Анализе фреймов» начал свои оправдания примерно так: «Хотя анализ социальной реальности не сулит ничего хорошего...»¹⁰

Наличие рисков для субъектов понимания и анализа в условиях иерархизированного распределения власти фиксируется многими исследователями. Это и понятно, ибо претендовать на знание и понимание происходящего — значит претендовать на власть, претендовать на город. Определение путей снижения рисков этой конкуренции для реализации права на город или хотя бы на его часть — не менее актуальная для местных сообществ задача, чем определение стратегии и основных направлений деятельности.

Самый легкий, первый путь — герметичность, т.е. закрытость сообщества, его невидимость для внешних наблюдателей и, прежде всего, органов власти. Второй путь — интеграция с властными институтами через встраивание в систему государственно-общественных органов и некоммерческих организаций. И, наконец, третий путь — независимость, неуловимость, основанные: 1) на текучести, мобильности, неподотчетности органам власти (например, отсутствие государственной регистрации как юридического лица, отсутствие четкой структуры и руководящих органов и т.д.); 2) на широком привлечении граждан; 3) на работе в пространствах, в которых органы власти ощущают себя неуверенно и в которых их административные ресурсы малопригодны.

Как ни странно, независимость и неуловимость часто оказывается самой эффективной стратегией в борьбе за идентичность.

Бои за идентичность

Итак, стремление не «впутываться» в прямую политическую борьбу, занимаясь построением местного сообщества и его интеллектуальной среды, приводит местные сообщества к борьбе за символы, за приоритезацию символического пространства города, за осознание и обретение коллективной локальной идентичности.

В целом, эта борьба может быть весьма плодотворной. Коллективная идентичность, т.е. эмоционально важное для человека самоотнесение к какой-либо группе/общности, влияет на способы взаимодействия внутри сообщества, на социальную самоорганизацию и в итоге на качество социальных институтов. Как показывают многочисленные исследования, локальные коллективные идентичности вносят существенный вклад в развитие города, являясь основой для самоорганизации сообщества. «Объединяющие» ценности коллективной идентичности создают сети доверия и увеличивают возможности местных сообществ. При этом значимые для сообщества символы ложатся на карту места, восстанавливая и усиливая имеющуюся связь, либо привязываясь заново к референтам. Поиски и со-творение таких символов порождают

символическое пространство. Символическое пространство порождает конкуренцию символов. Конкуренция символов порождает символическую политику. Символическая политика определяет несимволические практики. Именно поэтому за структуры идентичности и их наполнение идет борьба на уровне вполне реальной политики¹¹.

Однако, если в «обычной» политике, основанной на перераспределении материальных ресурсов, первенство почти всегда остается за теми, кто обладает политической властью, то символическая политика живет в конкурентной среде. Чтобы отобрать символы и завладеть ими требуются несколько иные компетенции, чем владение материальными ресурсами.

Перефразируя название известной книги Люсьена Февра¹², можно назвать многочисленные проекты борьбы локальных сообществ за свое право на город боями за идентичность. За символы приходится бороться, отстаивая свою локальную идентичность, формируя интеллектуальную среду, создавая сообщество людей, претендующих на развитие местного сообщества. И здесь у местных сообществ гораздо больше шансов, чем в прямом политическом участии.

В борьбе за символы местным сообществам нечего терять, приобретают же они не только символы, но и то, что эти символы обозначают.

Неиерархичная идентичность?

Мы находимся пока в самом начале изучения локальных идентичностей городов России. Но мы можем представить структуру идентичности в виде следующих эмпирически выявленных базовых элементов¹³:

- 1) представления о локальной географии, где находится город;
- 2) значимые места города (символический центр и пр.);
- 3) символические ценности локальной идентичности (предметы гордости, значимые исторические события);
- 4) пантеон героев – реальных и мифических;
- 5) мифы самостояния (представления горожан о себе);
- 6) представления о структуре городского сообщества;
- 7) ритуалы воспроизводства идентичности (общие праздники, регулярные мероприятия).

Если перегруппировать указанные элементы локальной идентичности по трем кластерам, то самым нагруженным окажется кластер «исторических достижений», связанный с богатой историей городов и с попытками использования этих достижений в настоящем. Второй кластер – символы и достижения эпохи модерна, связанные, прежде всего, с советской эпохой, выражен гораздо слабее. Третий кластер, современные символы и мифы, остается практически незаполненным.

При этом ценности совместных действий в локальной идентичности оказываются почти не представленными. Наиболее близкие к действиям ритуалы воспроизводства идентичности достаточно бедны, однообразны и мало чем отличаются друг от друга в различных сообществах.

Локальная идентичность не является закрытой и герметичной, не является иерархически организованной и даже субъектной, — это, скорее, рамочная идентичность с четко выделяемыми элементами, которые являются общими для большинства жителей города и в создании которых жители принимают участие.

Вместе с тем пока не удалось обнаружить и оценить связь элементов локальной идентичности и склонности к солидаризации в сообществе. Возможно, механизмы солидаризации имеют более сложную природу, нежели предполагалось изначально. Видимо, требуется включить в разряд значимых факторов и другие важные параметры, связанные с характером организации сообщества, с доминирующими представлениями о власти, с распределением власти в городе, с социально-политическим порядком в целом.

Аналитические сообщества между символической политикой и несимволической практикой

Противоречивость процесса символического обмена в иерархической системе еще во второй половине XIX в. ярко показал юный бунтовщик Артюр Рембо:

И мать, закрыв Завет, довольная ушла,
Весьма гордясь собой, но видеть не могла,
Как под высоким лбом, где синих глаз свеченье,
Дитяти вольный дух являет отвращенье¹⁴.

Гордыня и самодовольство верхнего уровня иерархии компенсируются легкостью ее обмана и отвращением ко всему, что вбивается силой, мнимой покорностью, которая когда-нибудь выльется в конфликт.

Освоение символического пространства локальными сообществами, конечно, встречается с похожими проявлениями, мимикрией, фальшивыми взаимодействиями и т.д. Один из способов этого избежать — строить взаимоотношения на других принципах, отличных от формальных систем и иерархий. Именно по этому пути идут многие сообщества, свободно располагаясь рядом с формальными иерархическими конструкциями, стараясь не соприкасаться с ними. В какой-то степени к этой деятельности и к людям, ее осуществляющим, применим концепт «аналитические сообщества»¹⁵, и в какой-то степени эту деятельность во многих случаях можно оценивать как весьма успешную.

Теоретически процесс выглядит следующим образом: переосмысление и переструктурирование прошлого, т.е. своеобразное делание истории из подручного материала, формирование насыщенных смыслом и понятных для местного сообщества символов, и, далее, трансфер символов в практики, включая властные, т.е. изменяющие условия жизни сообщества.

Создать городское сообщество, собрать людей, наработать социальный софт для взаимодействия друг с другом, начать формировать независимое интеллектуальное пространство, привлечь людей, вернуть

сообществу привычку и необходимость понимать происходящее, запустить механизмы рефлексии и саморефлексии, причем в публичной сфере — таков функционал аналитических сообществ. И все это таким образом, чтобы люди участвовали в деятельности как индивидуальные, ответственные личности, по собственному рациональному выбору и обдуманному желанию.

Принцип построения и деятельности аналитических сообществ можно было бы обозначить как «демократический интеллектуализм», включающий в себя уверенность в том, что научные знания и интеллект являются важнейшим условием общественного развития; интеллектуальный нонконформизм, т.е. нерелятивистское отношение к процессу познания, знаниям и ценностям; признание ценности и необходимости демократических коммуникаций.

С этих позиций понимание интеллектуальной борьбы за символы и за идентичность в символическом городском пространстве близко к латуровскому термину «пересборка социального», *reassembling the social*¹⁶, т.е. к процессу упорядочивания/конструирования социального городского пространства в целом. Однако как бы красиво все это ни звучало, неиерархическое построение аналитических сообществ, приспособленное для интериоризации символов и выработки направлений символической политики на местном уровне, вступает в противоречие с жестко структурированным политическим пространством распределения ценностей.

Иными словами, аналитические группы и представляемые ими местные сообщества неминуемо встают перед решением фундаментальной проблемы: организации эффективного трансфера символической политики в несимволические практики, т.е. перехода от борьбы за идентичность в символическом пространстве к политическим действиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Евстифеев Р.В.* После глобализации? Политико-административные преобразования в России в XXI веке. — Владимир: Владимирский филиал РАГС; Транзит X, 2011.

² См.: *Евстифеев Р.В.* Локальные аналитические сообщества как ресурс развития местных сообществ: кейс города Владимира // Новая экономика и региональная наука. 2015. № 1. С. 61–67.

³ См.: Итоговый аналитический отчет о результатах массового опроса населения «Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля». — URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/152/Gorodskie_lokalnie_identichnosti_Analiticheskiy_otchet_o_resultatah_massovih_oprosoy_2015.pdf.

⁴ См.: *Трубина Е.Г.* Город в теории: опыт осмысления пространства. — М.: Новое литературное обозрение, 2011.

⁵ Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. – М.: Университетская книга, 2007. С. 495.

⁶ Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. С. 126.

⁷ Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 7.

⁸ Harvey D. The Right to the City // R. Scholar (ed.). Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003. – Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 83–103.

⁹ Гаспаров М.Л. Записи и выписки. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 42.

¹⁰ Гоффман И. Анализ фреймов. – М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 62.

¹¹ См.: Национальная идентичность и будущее России. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – М., 2014.

¹² Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1990.

¹³ См.: Итоговый аналитический отчет о результатах массового опроса населения «Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля».

¹⁴ Рембо А. Семилетние поэты // Рембо А. Пьяный корабль. – СПб.: Петербург-XXI век, 1994. С. 45.

¹⁵ См.: Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики / редколл.: Н.Ю. Беляева (отв. ред.), Ш.Ш. Какабадзе, Д.Г. Зайцев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2012.

¹⁶ Ламур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

REFERENCES

Evstifeev R.V. *After globalization? Politico-administrative reforms in Russia in the 21st century*. Vladimir, Vladimir branch of Russian academy of Public Administration; Transit X, 2011 (in Russian).

Evstifeev R.V. Local analytical community as a resource for the development of local communities: the case of Vladimir. In: *Novaya ekonomika i regionalnaya nauka* [The New Economy and Regional Science]. 2015. No 1, pp. 61-67 (in Russian).

Febvre L. *Combats pour l'histoire*. Moscow, Nauka [Science], 1990 (Russian trans.).

Final analytical report on the results of the survey the mass of the population “Urban local identity as a basis of sustainable local communities. Research city-wide identities residents of Vladimir, Smolensk, Yaroslavl”. Available at: http://www.zircon.ru/upload/iblock/152/Gorodskie_lokalnie_identichnosti_Analiticheskij_otchet_o_resultatah_massovih_oprosov_2015.pdf (in Russian).

Gasparov M.L. *Entries and notes*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie [New literary survey]. 2001 (in Russian).

Goffman I. *Frame analysis*. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2007 (in Russian).

Harvey D. The Right to the City. In: R. Scholar (ed.). *Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003*. Oxford, Oxford University Press, 2006, pp. 83-103.

Latour B. *Reassembling the social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow, High School Economics Publ., 2014 (Russian trans.).

Le Goff J. *Intellectuals in the Middle Ages*. Saint Petersburg, St. Petersburg's University Publ., 2003 (Russian trans.).

Lévi-Strauss C. *The savage mind*. Moscow, TERRA – Knizhniy klub; Respublica [TERRA Book club; Republic], 1999. 392 p. (Russian trans.).

National Identity and the Future of Russia. Valdai Discussion Club Report. Moscow, 2014 (in Russian).

Rimbaud A. Les poètes de sept ans. In : *Rimbaud A. Le Bateau ivre*. Saint Petersburg, Peterberg – XXI vek [St. Petersburg 21st century], 1994 (Russian trans.).

Scott J. *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Moscow, Univercitetetskaya kniga [University book], 2007 (Russian trans.).

The analytical community in public policy: a global phenomenon and the Russian practice. N.Yu. Belyaeva, Sh.Sh. Kakabadze, D.G. Zaytsev (eds.). Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia], 2012 (in Russian).

Trubina E.G. *City in the theory: the experience of comprehension of space*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie [New literary survey]. 2011 (in Russian).

Аннотация

В статье описываются проблемы формирования локальной идентичности городских сообществ, рассматривается роль местных аналитических сообществ в российских городах. На основе данных социологического исследования представлены структура и основные элементы локальной идентичности, сделаны выводы о том, что задачей местных аналитических сообществ является организация эффективного трансфера символической политики в несимволические практики, т.е. переход от борьбы за идентичность в символическом пространстве к политическим действиям.

Ключевые слова: символическая политика, локальная идентичность, местные аналитические сообщества, структура идентичности.

Summary

The article describes the problems of forming local identity in city communities, examines the role of local analytical communities in Russian cities. Based on social research, it presents the structure and the main elements of local identity. Conclusion is that the task of a local community is to provide the efficient transfer of symbolic politics to non-symbolic practices, that is, the transition from the struggle for identity in the symbolic space to political action.

Keywords: symbolic politics, local identity, local community analysis, the structure of identity.